УДК 94(4)"1914/19"

Э.Е. Абдрашитов

**ПИСЬМА ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
КАК КАНАЛ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ**

Проведен сравнительный анализ писем военнопленных россиян на территории Германии и Австрии и военнопленных немцев и австрийцев на территории России (Казанская губерния) на предмет их источниковой ценности, а так же приведены различные варианты кодировки информации в посланиях.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, источники личного происхождения.

В последние десятилетия история Первой мировой войны все больше становится популярной среди сообщества профессиональных историков. Выйдя из тени Октябрьской революции после распада СССР, проблематика военнопленных все-речь заинтересовала исследователей, в том числе наличием множества темных пятен. Вряд ли кто-нибудь поспорит с тем, что подлинная интегративная история Первой мировой войны и второй отечественной все еще не написана, несмотря на то, что прошло почти сто лет. Нам представляется, что интерес к этой тематике не только не угаснет, но и усилится в связи с предстоящим столетием этого грандиозного исторического события.

Данная статья посвящена раскрытию одной из плохо изученных страниц истории плена Первой мировой войны – характеристики источников личного происхождения. Они наравне с архивными материалами играют весьма важную роль в изучении военного плена. Однако вопрос о качественных характеристиках информации, изложенной в них, открыт до сих пор. Дело в том, что практически все письма пленных проходили через систему многоступенчатой военной цензуры. Поэтому зачастую даже весьма невинная информация, но вызывающая определенные сомнения у цензоров, чернилась. Это выхолащивало содержательную ценность писем. Следует отметить, что одно время в Российской империи даже разгорелась дискуссия о том, можно ли доверять письмам российских пленных на Родину. Особенно это касалось писем с просьбами оказания материальной помощи. Одна сторона полагала, что письма носят достоверный, но при этом весьма выхолащенный характер. А их оппоненты считали, что содержание писем нельзя принимать на веру, так как зачастую они написаны одним почерком, не имеют черт индивидуализации и не носят информативного характера. Это наталкивало их на мысль, что все письма военнопленных из Германии и Австро-

Венгрии фальсифицированы. На наш взгляд, суждение весьма эмоциональное и не имеет отношения к реальности.

Например, чтобы пройти цензуру как можно быстрее, многие российские пленные в Германии и Австрии просили грамотных пленных писать письма на немецком языке (плюс к этому – многие пленные вообще были безграмотными). Отсюда и одинаковый почерк. А единообразие содержания, с одной стороны, обусловлено спецификой лагерной жизни и мышления пленных, а с другой – позицией военной цензуры. Кроме того, с содержанием писем не все так однозначно. Иногда в самых простых фразах пленные укрывали большой объем информации, скрытой от непосвященного читателя.

На наш взгляд, эпистолярное наследие военнопленных носит весьма информативный характер и является незаменимым источником при исследовании истории военного плена. В данной статье мы попытались реконструировать возможные варианты передачи информации военнопленных подданных стран Тройственного союза и России, в том числе скрытно от цензоров.

На начало Первой мировой войны многие подданные стран-соперниц оказались на территории противоборствующих держав. Это были гражданские лица, часть из которых подлежали призыву на действующую военную службу; другая часть – женщины, дети, старики и инвалиды (лица негодные к службе). Обе категории были интернированы, но если вторым удалось, пройдя через многочисленные препоны и преграды, вернуться на Родину, то первым было суждено остаться в стране до окончания военных действий. Интернированные лица начали писать письма буквально с первых часов пленения. Как правило, с адресов своих знакомых и родственников через знакомых из нейтральных стран. Подобные письма пытались отслеживать и изымать, так как, по мнению вла-

стей, они представляли угрозу обороне страны. В этом военные власти России и стран Тройственного союза были едины.

Письма военнопленных-подданных на родину были представлены двумя вариантами: собственно письмо, обязательным внешним атрибутом которого является конверт, и письмо-открытка (открытое письмо). Это подразумевалось правилами цензуры. Главное управление Красного Креста посредством Датского Красного Креста установило правила корреспонденции. Пленным разрешалось направлять 1 открытое письмо в неделю и 2 закрытых письма в месяц. Допускались денежные переводы по типу обычной почты [1. С. 2].

Письма пленных появились гораздо раньше открыток. Военнопленные и военнообязанные пытались подать весточку своим родным любыми доступными способами. С этой целью многие обращались с просьбой к местному населению; отсылали письма через служителей Церкви. Военные власти не мирились с подобным, поэтому запрещали под страхом наказания принимать письма от пленных, принимать письма на свой адрес и т.д. Обычное письмо военнопленного не имело марок, то есть обыкновенным способом (через почту) не могло быть отправлено.

После утверждения единообразных правил пересылки корреспонденции пленных в стране стали создаваться специальные формуляры – открытки. Однако в ходу они были недолго. С конца 1915 г. когда денег на печать специальных открыток в столь большом количестве перестало хватать, власти разрешили пленным писать свои послания в виде писем (материал покупался, конечно, за счет пленного) либо открытых посланий. Письма представлены двумя вариантами: стандартное письмо с конвертом и треугольник.

Внутри конверта находилось послание – лист или несколько исписанных листов хорошей бумаги (если позволяли средства) или бумаги плохого качества «местной лагерной» бумаги. На первом листе стоит штамп на национальном языке: «Проверено». Ручек пленным иметь не полагалось. Многие покупали за свой счет или писали карандашом. В связи с этим часть текста писем плохо читается, часть писем не поддается расшифровке. Открытка военнопленного имела специально разработанный формуляр. Имелся ряд вариантов оформления, в зависимости от места издания и организации. В начале войны на открытках вручную было написано «Военнопленный. Письмо просмотрено» или просто «Просмотрено». Все вышперечисленное было характерно как для писем пленных россиян, так и подданных стран Тройственного союза [2. С. 3].

Российское командование не предполагало (следует учитывать общественное мнение, декларирующее идею быстрой войны) наплыва массы военнопленных. По данным Генштаба России на 1 сентября 1917 г., в Российской империи находилось 1 961 300 лиц, объявленных военнопленными [3. С. 7]. Российское отделение Красного Креста указывало иные данные – 1 782 966 человек. В это же время статистический комитет по делам пленных и беженцев настаивал на числе, равном 2 385 540 чел. Другие источники предлагали иные цифры, согласно которым численность пленных колебалась от 2,2 до 2,5 млн чел. [4. С. 5; 5].

Россия за 1914–1915 гг. (17 месяцев войны) потеряла 2910 тыс. человек; из них без вести пропавшими и пленными числилось 1 547 590 человек. Потери за 1916 год составили 2 437 337, из них – 1 172 448 пленными. Всего по 31 декабря 1917 г. русская армия потеряла пленными: солдат – 3 395 105, офицеров и классовых чинов – 14 328, всего – 3 409 433 человека. Вместе с без вести пропавшими потери составили 3 638 271. Потери пленными составили 74,9% всех боевых потерь, или 21,2% от общего числа всех мобилизованных на войну [6. С. 4].

По месту пребывания российских военнопленных распределение было следующим: 56,14% российских военнопленных содержались в Австро-Венгрии, в Германии – 42,14%. Гораздо меньше их содержалось в Турции – 0,59% и Болгарии – 0,32%. Расселение такой массы пленных и военнообязанных было весьма существенной проблемой как для России, так и для Германии. Пленных расселяли в гостиницах, доходных домах, частных квартирах; подавляющее большинство лагерей было создано в ходе войны, и строились они в местах, трудно сочетающихся с идеей концлагеря.

Естественно, что и цензорская работа в первые месяцы войны шла с трудом. В начале войны не были выработаны правила проведения рецензирования. Не было определено, что считать военной тайной, а что – нет. Поэтому во многом начало войны связано одновременно и с перегибами, и с недосмотрами. Согласованные правила цензуры были опубликованы 24 ноября 1914 г. в виде комментариев Центрального справочного бюро по делам военнопленных в Петербурге. Данные правила гласят, что письмо должно подаваться в запечатанном конверте цензору лагеря. Время, за которое цензор должен пропустить корреспонденцию, не оговаривалось. Не оговаривались и рамки цензурной «деятельности». Цензура понималась очень широко. Однако данные комментарии не имели официального статуса [7. С. 2]. До этого

момента большинство писем пленных солдат – это открытки, мало напоминающие письма, скорее сообщения о том, что автор жив: «Спешу уведомить вас, что я в настоящее время нахожусь в плену. В плен я попал 23-го июля...» [8].

Понимание секретности той или иной информации постоянно изменялось. Если в первых письмах военнопленных (открытках), датированных не позднее января 1915 г., наряду с сухим изложением фактов: «Жив, правда, легко ранен в руку, но это пустяки. Врачи говорят, что это неопасно...» [9. С. 1], – присутствует описание местности и местных жителей, то в следующие 6–7 месяцев подобные упоминания уже не пропускались цензурой. Места с описанием местности затирались, или письмо не проходило цензуру. Табу касалось описания питания, условий проживания пленных, даже туманное упоминание о незначительном количестве лиц мужского пола, квалифицировалось цензурой как попытка передачи запрещенной информации.

В отдельных лагерях была запрещена критика администрации и описания наказаний. С чем связана подобная мера, догадаться не сложно. Даже после опубликования общих для стран Тройственного союза и России правил цензуры в письмах очень редко можно найти рассуждения военнопленных по данным пунктам.

Следует отметить катастрофическую нехватку кадров профессиональных переводчиков. Дело в том, что пленные подданные Австро-Венгрии и Германии говорили (а соответственно, и писали) на более чем десятке диалектов. Нехватка цензоров приводила к тому, что письма пленных скапливались месяцами. Как отмечал в своем отчете председатель военно-цензурной комиссии Казанской губернии, писем на малоупотребительных языках скапливалось более 1 пуда за год [10. С. 55]. Аналогичная ситуация складывалась и с российскими подданными за рубежом, многие письма, написанные не на русском языке, проходили цензуру месяцами.

В связи с этим к цензурированию писем военнопленных часто привлекали грамотных нижних чинов, врачей и других лиц. Поэтому приблизительно с середины 1915 г. на конвертах русские военнопленных появляются подписи на русском языке. Или, как во втором случае, ставилась подпись местного цензора, а потом печать «главного» цензора (канцелярия концлагеря). В целях безопасности проводилось повторное выборочное цензурирование писем (приблизительно 1 из 100) [11]. Однако в России обязательным условием было то, что цензоры должны быть славянами. С

аналогичной процедурой мы сталкиваемся и в Германии, и в Австрии. Однако если зачастую отдельные письма жизнеутверждающего содержания публиковались в местной прессе, с целью демонстрации того, как хорошо живет пленный в стране (естественно, цель была несколько иной – подхлестнуть общественное мнение, озлобить население), то немцы пошли дальше – они выпускали специальные сборники на русском языке [12]. Часть из них распространялась в дальнейшем на фронте. В России специалисты отдельного корпуса жандармов использовали отчеты цензоров с обзором умонастроений пленных, их анализом и сопоставлением с реальностью с целью формирования дальнейшей политики по отношению к ним.

В большинстве случаев цензура не отличалась особенной тщательностью, ограничиваясь поверхностным «пролистыванием». К примеру, цензоры заштриховывали места с описанием питания, так как это характеризовало продовольственный потенциал страны. Однако часто письма с метафорическим текстом проходили свободно «Живем хорошо. Правда, жаль, брата своего Хлебникова мне не хватает, или хотя бы Картофельникова увидеть». Нетрудно догадаться, что имел в виду солдат... Однако явные намеки цензоры не пропускали. Например, «мой друг Мясо уехал вдруг. Чувствуется, увидимся в Австрии». Подобное «не ответственное» поведение цензоров было связано с тем, что они совмещали цензурскую деятельность с рядом других дел (как правило, должность цензора исполнял какой-либо работник лагерной канцелярии). Подготовленных специалистов, которые могли не просто прочитать текст, но и понять метафорические выражения, нецензурные вставки, было явно недостаточно [13. С. 221].

Языковая проблема остро стояла в начале войны. Сотни писем, написанных по-немецки или на диалектах этого языка, просто не доходили до адресатов и были отосланы обратно либо пропали, так как русские цензоры просто не могли их прочесть: «Написал вам уже три письма. От вас ответа нет. Постарайтесь адрес правильно писать» [14. С. 1]. С той же проблемой сталкивались и пленные из России.

С другой стороны, в условиях неразберихи начала войны даже в центральных органах по иностранному военнопленным не было информации о том, в каком лагере находится конкретный военнопленный и каким образом, или через какие органы, уполномоченные соответствующим образом, осуществлялась передача писем. Посетивший Россию представитель Датского Красного Креста с миссией инспектирования пленных отмечал, что

хуже всего в России обстоит дело с информационной составляющей.

В письмах военнопленных теоретически можно выделить несколько блоков, отличающихся друг от друга содержащейся информацией, объемом сообщений, словесными оборотами, внутренней логикой. В соответствии с методикой Каштанова условный формуляр письма военнопленного состоит из трех составных частей: начального протокола, основной части и послесловия (конечный протокол). Подавляющее большинство писем военнопленных копирует данную структуру. Начальный протокол письма предваряет основной текст. По объему он занимает иногда большую часть письма. Как правило, в начальном протоколе имеется обращение к предполагаемому «собеседнику» (инскрипция) (отцу – матери, жене, детям – всем близким родственникам): «Здравствуйте мои дорогие папаша и мамаша» [15. С. 40], и пожелания им различных мирских благ и здоровья. В качестве адресата выступал зачастую не один человек (семья), а целый коллектив родственников, друзей и знакомых.

Как правило, вторым логическим блоком условного протокола является интитуляция – автор сам называет себя. Далее следует обращение к другим «собеседникам» и передача им своих «поклонов» (салютация): «... и еще посылаю дорогой моей супруге и моим деткам по низкому поклону и всего хорошего, и еще шлю брату низкий поклон...» [16. С. 45]. Таких «поклонов» могло быть много, больше десятка. Далее следовала инвокация (упоминание Бога), как правило, связанная с упоминанием своего здоровья. Обращения к родственникам имели устойчивую формулу и носили стереотипный характер для всех типов писем военнопленных; различия наблюдались лишь в незначительных деталях (количество родственников, перестановка слов, замена наименования Бога и т.д.).

В ряде случаев письма были обезличенными (не имели обращения к определенным лицам, поэтому не содержали «приветов»). Чаще данные письма являлись обращением к некоей организации (контрольной или благотворительной). Как правило, в таких письмах содержались просьбы о помощи. Начальный протокол отсутствовал.

Во второй части (тексте) письма располагался основной массив информации, повествующий о жизни в лагере, здоровье и проблемах военнопленного. В зависимости от типа письма он мог занимать небольшой объем и укладываться в несколько строчек, либо – что встречалось в большом количестве писем – основное содержа-

ние было больше или равно начальному протоколу.

Повествовательная часть письма включает рассуждения автора о состоянии здоровья («Я в настоящее время жив и здоров» [17. С. 5]) о лагерных проблемах; выражалась благодарность родным (близким, знакомым) за присланные посылки и письма, либо упреки, что не пишут и не помогают материально. Как правило, он занимал небольшой объем и укладывался в несколько строчек. В довольно небольшом количестве писем основной текст был больше или равен начальному протоколу. В зависимости от целого ряда факторов: времени написания, местонахождения военнопленного (лагерь или работы), жесткости режима, личности пленного и отношения к нему администрации – содержание и объем данной части текста письма изменялся. К примеру, письма, написанные представителями офицерской группы военнопленных, имеют увеличенный основной блок по сравнению с письмами военнопленных нижних чинов.

Как правило, там писалось о состоянии здоровья: «Я в настоящее время жив и здоров» [17. С. 6], о лагерных проблемах, выражалась благодарность родным (близким, знакомым) за присланные посылки и письма: «Ваше письмо одно получил, и посылку получил, и благодарю я вас за то, что меня не забываете, мои дорогие родители» [15. С. 37], либо огорчение, что не помогают материально: «Дорогая Аня! Спешу уведомить тебя, что твоя посылка получена, за что не нахожу слов благодарности, пока ты, Аня, еще не забыла, а остальные все прекратили (писать. – Э.А.)» [15. С. 32]).

Третья часть письма содержала дополнительные просьбы военнопленных, разного рода уточнения и дополнения и «завершающие» слова. Также там могли передаваться приветы тем, о ком не упомянули в преамбуле. Как правило, данная часть была невелика по объему. Просьбы военнопленных были однотипны по своему содержанию: «... вышлите мне посылку сухарей, и сушки фунтов 10-ть» [15. С. 45], «присылайте мне посылки как можно чаще, – сухарей, табаку и сахар...» [15. С. 40]. В конце послания имеется дополнительная датировка, корроборация и аппрекация. Просьбы в основном касались улучшения материального положения, высылки белья, одежды и денег. Часто пленные требовали чаще писать и информировать их обо всем, что творится на родине (в зависимости от интересов пленных это могло быть село, город или страна в целом).

В письмах российских военнопленных имеются алогизмы другого плана, которые проявляются не внутри части сообщения, а при сравнении частей письма. К примеру, в основной части большинства писем военнопленных имеется: «...слава Богу, жив – здоров. Все у меня хорошо...» [18. С. 14], в то время как практически вся третья часть письма полностью посвящена просьбам пленных выслать им провизию и одежду. Таким образом, становится ясно, что у пленных не «все хорошо», а имелось множество нерешенных вопросов. Можно предположить, что письма с откровенными жалобами не проходили цензуру. Поэтому пленные прибегали к такому методу «кодировки». Соответственно, данное сообщение пленных следует воспринимать как: кормят плохо, но от голода и серьезных болезней не страдаю. Есть проблемы с обеспечением бельем, но пока одежда не износилась совсем.

Авторы писем очень редко описывали чувства и желания других военнопленных. Это не являлось насущной необходимостью для пленных, поэтому желания и чаянья упоминались лишь в крайних случаях, в ходе исключительных событий. Чаще автор передавал свои чувства прямым текстом от первого лица. Также редко авторы прибегали к количественным выкладкам на страницах писем. В письмах отсутствуют сравнения, пленные жили только «сегодняшним днем». Под этим подразумевается некий период времени, в течение которого пленный сохраняет в памяти большую часть событий за это время и способен оперировать данными воспоминаниями.

Письма подданных Германии и Австро-Венгрии существенно не отличались по форме, но контрастировали по содержанию, которое менялось согласно конъюнктуре. Очень редко пленные просили прислать провизию, чаще просьбы касались присылки денежных средств. Больше всего жалобы касались ограничений свободы (запрета пить, посещать увеселительные места, делать визиты к дамам) и условий общежития (скученность, отсутствие досуга). Однако легальные пути передачи информации далеко не всегда удовлетворяли военнопленных и военнообязанных. И дело даже было не в том, что определенная часть из них занималась шпионажем и искала способы передачи информации. Эта категория лиц как раз и имела отработанные каналы связи. Военнопленные и военнообязанные старались всеми способами избежать вмешательства третьих лиц в весьма интимный процесс обмена эмоциями через письма. В этой связи вышеуказанные лица искали незащищенные каналы передачи информации, которые

цензоры не могли отследить. Естественно, что со временем специалисты разгадывали уловки пленных, и тогда они искали новые пути передачи данных.

Наиболее простым способом передачи скрытой информации было использование кодовых слов, о смысле которых знал только адресат. Например, «у нас тут прекрасная погода, как...» или «живу хорошо, как в загородном доме». Или в одном из писем российского военнопленного содержалось послание: сообщите родным, что у нас здесь нет капитана Андреева и прапорщика Плужникова, а также других офицеров его роты – нет. Оказывается в письме под указанными фамилиями скрывается намек на отсутствие продовольствия в лагере, так как в Уральске весьма известна булочная и колбасная Андреева и владелец большого гастрономического магазина Плужников [19. С. 29].

Весьма много хлопот для цензоров создавало использование пленными симпатических чернил. Когда трюк был раскрыт, отправка писем была задержана на длительный срок, так как требовалось их перепроверить. Перед химиками был даже поставлен вопрос о выработке массового способа проверки писем на использование подобных чернил. Однако цензоры использовали простой способ, отправляя на дополнительную проверку те письма, на которых большая часть листа не была использована. Дело в том, что бумага была весьма дорогой, и пленные, как правило, исписывали лист полностью, не оставляя свободных мест. Наличие пустых полей или оборота, внушало обоснованное подозрение. Однако если путь борьбы с симпатическими чернилами был найден, трюк с использованием молока в качестве чернил длительное время не был раскрыт.

Часть военнопленных старалась писать там, где, по их разумению, цензор не будет смотреть. В качестве таковых мест использовалось пространство под марками, внутренняя сторона конверта. Некоторые военнопленные иногда писали письма тупым пером.

Достаточно интересным методом шифровки было использование слов на иностранных языках. Например, пленный мог писать на немецком, но ряд слов, особенно имен собственных, писать на латыни или каком-либо ином малоупотребительном языке. Следует отметить, что данный прием с успехом использовали как наши пленные, так и пленные стран Тройственного союза. Так, например, пленные родом из Казанской губернии использовали для шифровки татарский, киргизский и чувашские языки [2. С. 6].

Иногда использовался метод точечной кодировки. Суть ее состоит в том, что автор письма ставил над буквами точки. Для стороннего наблюдателя они могли показаться особенностями орфографического стиля писавшего. Однако если складывать помеченные таким образом буквы, то получались связанные смысловые предложения. Когда цензоры разгадали этот трюк, многие пленные пошли по пути усложнения. Например, в первом письме указывали последовательность считывания, – каждая третья точка. А в последующих письмах уже вставлялся смысловой наполнитель. Человек, не знающий последовательности считывания, не мог понять написанного. Однако цензоры поступали проще – они не пропускали все такие письма.

Как только один канал передачи неформальной информации пресекался цензорами, тут же появлялся новый. Так, послания из Германии и Австро-Венгрии достигали пленных и военнообязанных в воротничках и манжетах верхней одежды, в подкладке кепи, в стельках сапог. Письма запекались в сухарях. Часто письма писали на пачках сигарет или на курительной бумаге [20. С. 59].

Таким образом, можно сделать вывод, что письма военнопленных представляют большой интерес для исследователей военного плена, так

как содержат открытую и скрытую информацию, характеризующую режим содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волжский день*. 19 июня. 1915. № 128.
2. *Корреспонденция военнопленных*: публикация договора с немцами по поводу обмена корреспонденцией и посылками военнопленных и их родственников // *Речь*. 1915. № 319.
3. *Копылов В.Р.* Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции 1917. М., 1977.
4. *Гражданская война и военная интервенция в СССР*: Энциклопедия. М., 1987.
5. *Исаев А.П.* Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917–1922 гг.). СПб., 1998.
6. *Россия в мировой войне (в цифрах)*. М., 1925.
7. *Русские ведомости*. 1915 г. № 106.
8. *Отдел рукописей и редких книг (ОРРК) НБЛ*. Ф. 856. Февраль. Д. 18.
9. *Розанов С.* Из письма раненого военнопленного // *Речь*. 1914. 23 сент. № 256.
10. *Национальный архив Республики Татария (НА РТ)*. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 260.
11. *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне. М., 1920.
12. *Письма из германского плена*. Б. м., 1918. Т. 1.
13. *НА РТ*. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 238. Л. 221.
14. *ОРРК НБЛ*. Ф. 856. Апрель.
15. *ОРРК НБЛ*. Ф. 856. Январь.
16. *ОРРК НБЛ*. Ф. 856. Март.
17. *ОРРК НБЛ*. Ф. 856. Февраль.
18. *ОРРК НБЛ*. Ф. 857. Д. 575. Л. 14.
19. *НА РТ*. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1106. Л. 29.
20. *НА РТ*. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 238. Л. 59.